



Международный пакт о гражданских и политических правах

Distr.: General
24 September 2018
Russian
Original: French

Комитет по правам человека

Соображения, принятые Комитетом в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола относительно сообщения № 2662/2015* **

<i>Сообщение представлено:</i>	Ф.А. (представлена двумя адвокатами – Клер Ваке и Мишелем Анри)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Франция
<i>Дата сообщения:</i>	18 июня 2015 года
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 97 правил процедуры Комитета, препровожденное государству-участнику 2 ноября 2015 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	16 июля 2018 года
<i>Тема сообщения:</i>	запрет ношения хиджаба на рабочем месте
<i>Процедурные вопросы:</i>	–
<i>Вопросы существа:</i>	свобода исповедовать свою религию, дискриминация по религиозному и половому признакам
<i>Статьи Пакта:</i>	18 и 26
<i>Статья Факультативного протокола:</i>	2

1. Автором сообщения является Ф.А., гражданка Марокко, родившаяся в 1969 году. Она утверждает, что государство-участник нарушило ее права, предусмотренные в статьях 18 и 26 Пакта. Ее интересы представляют адвокаты Клер Ваке и Мишель Анри. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 17 мая 1984 года.

* Приняты на его 123-й сессии (2–27 июля 2018 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Тания Мария Абдо Рочолл, Ядх Бен Ашур, Илзе Брандс Керис, Сара Кливленд, Ахмед Амин Фаталла, Бамариам Койта, Марсия Кран, Дункан Лаки Мухумуза, Мауро Полити, Жозе Мануэль Сантуш Паиш, Юваль Шани и Марго Ватервал. В соответствии с правилом 90 правил процедуры Комитета в рассмотрении сообщения не участвовал член Комитета Оливье де Фрувиль.



Факты в изложении автора

2.1 С 1991 года автор работала воспитателем в детских яслях, открытых частной ассоциацией. По своим религиозным убеждениям она с 1994 года регулярно носила вокруг лица платок, закрывающий ее волосы. В декабре 2008 года, незадолго до возвращения автора из родительского отпуска, директор яслей проинформировала ее о том, что согласно положениям внутреннего регламента яслей ей будет запрещено носить платок после возвращения на работу.

2.2 9 декабря 2008 года, возобновив работу после отпуска, автор пришла в ясли, как обычно, в платке. Письмом от 19 декабря 2008 года она получила уведомление об увольнении за серьезный проступок, выразившийся в неподчинении руководству. Мотивами для увольнения послужили нарушение правил внутреннего регламента яслей, связанное с отказом снять свой «исламский хиджаб», отказом покинуть ясли в нарушение распоряжения о временном отстранении от работы, вынесенного директором яслей, и с «пререканиями», которые, по словам директора, последовали за этим отказом.

2.3 Автор подала иск во внутренние судебные инстанции, чтобы ее увольнение было признано дискриминационным и представляющим собой посягательство на ее свободу исповедовать свою религию. В поданном исковом заявлении она оспаривала правомерность положения внутреннего регламента о том, что «принцип свободы совести и религии каждого из сотрудников не может препятствовать соблюдению принципов светскости и нейтральности, которые применяются при осуществлении всех видов деятельности, развиваемых [ассоциацией]». Постановлением суда по трудовым спорам в Мант-ла-Жоли от 13 декабря 2010 года, а затем по процедуре обжалования – постановлением апелляционного суда Версаля от 27 октября 2011 года – упомянутое положение внутреннего регламента и увольнение автора были подтверждены.

2.4 Автор подала кассационную жалобу. В своем постановлении от 19 марта 2013 года общественная палата Кассационного суда сочла, что принцип светскости, установленный статьей 1 Конституции Франции, неприменим к работникам частного сектора, не стоящим во главе какой-либо государственной службы, и что ограничения свободы вероисповедания должны быть оправданы с точки зрения выполняемой задачи, соответствовать основным и определяющим профессиональным требованиям и быть соразмерными искомой цели. В противоположность постановлению апелляционного суда Версаля Кассационный суд пришел к выводу, что упомянутое положение внутреннего регламента яслей устанавливает общее, неуточненное ограничение свободы вероисповедания своих сотрудников и что, следовательно, решение об увольнении автора, принятое по дискриминационным мотивам, не имеет юридической силы.

2.5 27 ноября 2013 года апелляционный суд Парижа, вынося постановление в качестве судебной инстанции, рассматривающей дело после кассационной процедуры, вновь подтвердил решение суда по трудовым спорам в Мант-ля-Жоли от 13 декабря 2010 года. Решение этого суда было основано на понятии «предприятие убеждений», согласно которому частноправовое юридическое лицо, выполняющее задачи для общего блага, в определенных обстоятельствах может стать предприятием убеждений и принять устав и правила внутреннего регламента, предусматривающие обязательное соблюдение нейтральности сотрудников при выполнении ими своих функций. Суд также счел, что такая обязанность соблюдать нейтральность предполагает, в частности, запрет на ношение любой заметной религиозной символики.

2.6 Автор вновь подала кассационную жалобу, которая была рассмотрена на пленарной ассамблее; постановлением от 25 июня 2014 года суд отклонил эту жалобу. Полагая, что данная ассоциация не может считаться предприятием убеждений с точки зрения предмета ее деятельности, Суд все же счел, что апелляционный суд вправе прийти к выводу, что ограничение свободы вероисповедания является достаточно точным, оправданным в силу характера задач, выполняемых сотрудниками ассоциации, и соразмерным искомой цели, конкретно оценив при этом условия

функционирования ассоциации небольшого масштаба, 18 сотрудников которой находятся в непосредственном контакте с детьми и их родителями.

Жалоба

3.1 Автор считает, что совершенные в отношении нее действия представляют собой нарушение ее прав, предусмотренных статьями 18 и 26 Пакта.

3.2 Автор утверждает, что ограничение, которое наложено на нее в соответствии с упомянутым правилом внутреннего регламента яслей, не предусмотрено законодательством. В этой связи автор полагает, что закон, действовавший на момент событий, не позволял в подобном случае налагать ограничение в рамках каких-либо правил внутреннего регламента. Принцип нейтральности, предусмотренный Конституцией Франции, применим только к государственным службам, но не к частным яслям. Кроме того, положения Трудового кодекса, действовавшие¹ на дату увольнения, предусматривали в статье L. 1121-1, что «никто не может налагать на права лиц и на индивидуальные и коллективные свободы ограничений, которые не оправданы характером поставленной задачи и не соответствуют искомой цели», а статья L. 1321-3 гласила, что «внутренний устав предприятия не может содержать: [...] положений, налагающих на права лиц и на индивидуальные и коллективные свободы ограничения, которые не оправданы характером поставленной задачи и не соответствуют искомой цели». Наконец, применимый Трудовой кодекс запрещал любую дискриминацию, в частности на основе пола или религиозных убеждений. Согласно постоянной судебной практике², по закону ограничительное положение может быть включено во внутренний устав лишь в случае, если в нем уточняется, что «вытекающие из него обязанности должны оцениваться с учетом характера функций, выполняемых сотрудниками, на которых оно распространяется»³. В данном случае во внутреннем регламенте яслей не содержалось никакого обоснования подобного рода. Поэтому автор заявляет, что толкование, которое было дано судебными органами, рассматривавшими ее дело, не соответствует их собственной практике, вследствие чего в ее случае закон становится непредсказуемым, а правосудие – недоступным. Автор приходит к выводу, что к ней было применено ограничение, которое не предусмотрено законом, что противоречит требованиям пункта 3 статьи 18 Пакта.

3.3 Автор также указывает, что наложенное на нее ограничение не является необходимым в демократическом обществе, поскольку его нельзя обосновать требованиями охраны государственной безопасности, общественного порядка или здоровья населения. Автор отмечает, что, согласно практике Государственного совета, ношение хиджаба не является актом прозелитизма⁴. Только акт давления или прозелитизма способен нанести ущерб свободам и основным правам других лиц, а ношение какого-либо религиозного символа сотрудниками яслей ни в коей мере не запрещает родителям свободно направлять своих детей в осуществлении их свободы совести и религии. Автор отмечает, что в пункте 3 статьи 18 также требуется, чтобы ограничение было соразмерным. В данном случае отказ автора снять хиджаб привел к ее увольнению и был квалифицирован как серьезный проступок, что является особым порицанием и лишает ее любой компенсации с связи с потерей работы. Кроме того, оспариваемое положение регламента носит общий, неуточненный характер и, следовательно, является несоразмерным.

3.4 Автор также заявляет о нарушении статьи 26 Пакта, поскольку она не была защищена от дискриминации, предусмотренной внутренним законодательством, и подверглась дискриминационному увольнению. Она отмечает, что в основу решения

¹ Трудовой кодекс в редакции, действовавшей по состоянию на 19 декабря 2008 года.

² Conseil d'État, Corona, 1^{er} février 1980, précité n° 06361 ; Conseil d'État, 25 janvier 1989, Société industrielle Teinture et apprêts, n° 64296 ; Cour de cassation, chambre sociale, 9 juin 1998, B. n° 315, pourvoi n° 95-45019 ; Conseil d'État, *Ministre du travail, de l'emploi et de la santé c. Société Caterpillar France*, 12 novembre 2012, n° 349365.

³ Conseil d'État, 20 juillet 1990, n° 85429 ; et 23 juillet 1993, n° 99391.

⁴ Conseil d'État, 20 octobre 1999, n° 181486 ; 27 novembre 1996, n° 172989 ; 7 novembre 1996, n° 169522 ; et 6 avril 2009, n° 2009-117, par. 35 et 36.

о ее увольнении заложены дискриминационные основания, связанные с ее религиозными убеждениями, и что примененное к ней положение внутреннего регламента имело косвенные дискриминационные последствия, от которых особенно серьезно и несоразмерно страдают женщины-мусульманки.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 В вербальной ноте от 4 января 2016 года государство-участник сообщило, что оно не намерено оспаривать приемлемость данного сообщения. В вербальной ноте от 3 мая 2016 года оно изложило свои замечания по существу сообщения.

4.2 Государство-участник представляет применимое право, гарантирующее свободу религии и недискриминацию, ссылаясь на статью 10 Декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 года, на статьи 1 и 2 Конституции от 4 октября 1958 года, на статьи 9 и 14 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и на разделы II и III Трудового кодекса.

4.3 Государство-участник отмечает, что в трудовой сфере частного сектора действует принцип свободного проявления религиозных убеждений. Тем не менее на эту свободу могут налагаться ограничения, если они оправданы характером поставленной задачи и пропорциональны искомой цели. Решение вопроса о соответствии таких ограничений законодательным положениям тщательно отслеживается трудовой инспекцией и судебными органами. Любой работник еще до применения к нему какой-либо статьи внутреннего регламента предприятия может оспорить законность этой статьи в трудовой инспекции.

4.4 Государство-участник отмечает, что в данном случае речь идет не о свободе принадлежать к какой-либо конфессии, а о свободе исповедовать религию, что эта свобода не является абсолютной и может ограничиваться в соответствии с пунктом 3 статьи 18 Пакта. Государство-участник отмечает также, что действия, о которых заявляет автор, были совершены частным лицом; следовательно, нужно рассмотреть вопрос о том, выполнило ли государство-участник свою позитивную обязанность защищать право лиц на свободу исповедовать свою религию. В данном случае оно напоминает, что автор смогла изложить свои аргументы и использовала все юридические процедуры, имеющиеся во внутриправовой системе.

4.5 Государство-участник оспаривает утверждения автора о том, что к ней было применено ограничение, которое не предусмотрено законом. Оно считает, что вопрос о законности положения внутреннего регламента яслей бесполезен с точки зрения условий, в которых это ограничение должно быть установлено законом. Государство-участник далее отмечает, что единственный конструктивный вопрос касается наличия юридических рамок, регулирующих процедуру, которая привела ассоциацию к увольнению автора. Таким образом, государство-участник считает, что оспариваемое увольнение вписывается в юридические рамки, четко установленные статьями L. 1121-1 и 1321-3 Трудового кодекса, которые дают работодателям возможность ограничивать свободы какого-либо работника, если такие ограничения оправданы характером поставленной задачи и соразмерны искомой цели.

4.6 Относительно утверждений о доступности и прогнозируемости правовых рамок государство-участник напоминает, что, согласно соображениям Комитета по делу *Росс против Канады*⁵, «Комитет не должен пересматривать выводы Верховного суда по этому аспекту, и поэтому Комитет считает, что наложенное ограничение предусмотрено законом». Наряду с этим государство-участник отмечает, что на момент рассматриваемых событий национальные суды уже вынесли решения по поводу исламского хиджаба, согласно которым отказ работодателя оправдан характером задачи, поставленной перед продавцом, которая в обязательном порядке контактирует с большим числом лиц, имеющих различные убеждения⁶. Кассационный суд в свою очередь признал, что работодатель имеет право требовать от сотрудников,

⁵ *Росс против Канады* (CCPR/C/70/D/736/1997), пункт 11.4.

⁶ Апелляционный суд Парижа, 16 марта 2001 года, № 99-31302.

работающих с клиентами, ношения определенной формы одежды, которая соответствует их функциям или характеру товаров, которые им поручено продавать⁷. Апелляционный суд Сен-Дени-де-ля-Реюньон⁸ также признал, что работодатель вправе запретить какой-либо стиль одежды, «полностью противоречащий фирменному стилю магазина». В рассматриваемом случае речь шла об ассоциации ограниченного масштаба, все сотрудники которой находились или могли находиться в контакте с детьми и их родителями. Поэтому государство-участник полагает, что Кассационный суд обеспечил соблюдение критериев своей предыдущей практики.

4.7 Государство-участник также утверждает, что примененное к автору ограничение имело законную цель – защиту прав и свобод других лиц. Оно напоминает, что ранее Европейский суд по правам человека считал, что исламский платок сам по себе является не «пассивным символом», а «активным внешним символом», и признал защиту прав и свобод других людей в качестве законной цели ограничений, налагаемых работодателями на свободу исповедовать религию внутри предприятий⁹. Цель деятельности ассоциации, управляющей яслями, заключалась в оказании услуг детям младшего возраста из малообеспеченных семей и принятии мер для социальной и профессиональной интеграции женщин вне зависимости от их политических и конфессиональных убеждений; в этой связи она ежемесячно проводила собрания местных женщин, чтобы дать им возможность обменяться мнениями о трудностях, с которыми они сталкиваются, и определить собственные пути их преодоления. Поэтому ясли представляют собой место для обеспечения приема и социальной стабильности детей младшего возраста, которые особенно подвержены воздействию и восприятию окружающей их обстановки и которым не следует сталкиваться с явной демонстрацией религиозной принадлежности. Работники яслей контактируют с особой аудиторией – с детьми и их родителями. Поэтому повышенная уязвимость детей перед любым проявлением и тем более любым выражением религиозной принадлежности со стороны их воспитателей служит основанием для наложения на автора упомянутого ограничения. Таким образом, государство-участник полагает, что оспариваемое положение внутреннего регламента имело целью защиту права детей и права их родителей на то, чтобы не подвергаться воздействию любой другой религии, кроме их собственной.

4.8 С другой стороны, государство-участник оспаривает утверждения автора о том, что наложенное на нее ограничение не пропорционально искомой цели. Оно подчеркивает важность того, чтобы государства-участники пользовались определенной свободой в оценке того, когда и в какой степени то или иное вмешательство является необходимым. В данном случае государство-участник напоминает, что наложенное ограничение распространяется только на свободу исповедовать свою религию в отношении работников, которые могут находиться в контакте с детьми младшего возраста, чтобы они проявляли сдержанность в выражении своих религиозных убеждений. Это ограничение не действует за пределами сферы деятельности яслей и ограничивается выполнением функций, предполагающих контакт персонала с детьми. Поскольку речь идет о небольшой структуре, все ее работники могли оказаться в контакте с этой группой населения. Государство-участник также напоминает, что в деле истицы, исповедовавшей католическую веру, которая работала в яслях протестантской конфессии и оказалась в аналогичной ситуации, Европейский суд по правам человека сослался на свободу договора и сделал вывод об отсутствии нарушения свободы религии¹⁰.

4.9 В связи с утверждениями автора о том, что ее увольнение является дискриминацией и нарушает статью 26 Пакта, государство-участник вновь заявляет, что данное положение внутреннего регламента яслей не создает никакой

⁷ Палата по социальным спорам Кассационного суда, 6 ноября 2001 года, № 99-43.988;

Палата по социальным спорам Кассационного суда, 28 мая 2003 года № 02-40.273.

⁸ Апелляционный суд Сен-Дени-де-ля-Реюньон, 9 сентября 1997 года, № 1997-930234.

⁹ Cour européenne des droits de l'homme, *Leyla Şahin c. Turquie*, n° 44774/98, 29 juin 2004 ; *Dahlab c. Suisse* (déc.), n° 42393/98, CEDH 2001-V ; et *Eweida et autres c. Royaume-Uni*, n° 48420/10 et 3 autres, CEDH 2013 (extraits).

¹⁰ *Siebenhaar c. Allemagne*, n° 18136/02, 3 février 2011.

дискриминации, поскольку не направлено против какой-либо религии, духовных убеждений или половой принадлежности. Это положение внутреннего регламента можно рассматривать как приводящее к особому обращению с работниками, которые стремятся проявлять свои религиозные убеждения, по сравнению с теми, которые не имеют такого стремления. При этом государство-участник напоминает, что, согласно постоянной практике Комитета, право на равенство перед законом не означает, что все различия в обращении носят дискриминационный характер и что дифференциация на основе разумных и объективных критериев не означает дискриминацию по смыслу статьи 26 Пакта. Такое различие в обращении, предусмотренное внутренним регламентом яслей, является объективным и не носит ни произвольного, ни неразумного характера.

Комментарии автора по замечаниям государства-участника

5.1 В письме от 12 сентября 2016 года автор представила свои комментарии по замечаниям государства-участника по существу сообщения.

5.2 Автор оспаривает утверждение государства-участника о том, что единственный конструктивный вопрос, касающийся законности ограничения права исповедовать свою религию, связан с наличием юридических рамок, регулирующих процедуру, которая привела ассоциацию к увольнению автора. Автор вновь заявляет, что основанием для ее увольнения послужило именно упомянутое положение внутреннего регламента. Если оно будет признано незаконным, это автоматически повлечет за собой *ipso facto* ничтожность примененной к ней суровой дисциплинарной меры. Ведь в положениях Трудового кодекса заложен ясный принцип: свобода, в том числе религиозная, является нормой; запрет, являющийся исключением, жестко ограничивается характером поставленной задачи при условии, что оно полностью соразмерно искомой цели. Следовательно, положение внутреннего регламента не может считаться сколь-либо законным и поэтому вступает в противоречие с применимым законодательством. Автор отмечает, что недавняя поправка к Трудовому кодексу¹¹, согласно которой во внутренних регламентах могут содержаться положения о принципе нейтральности, показывает, что ранее такой возможности не существовало. Автор считает, что в связи с этим встает вопрос о соответствии этого нового закона положениям Пакта, а также гарантированным Конституцией правам и свободам, но Конституционный совет пока не занимался рассмотрением этого вопроса.

5.3 Автор отмечает, что, по утверждению государства-участника, Кассационный суд счел, что ограничение, наложенное на свободу автора исповедовать свою религию, соответствует законодательным критериям, ссылаясь при этом на критерий, согласно которому в судебной практике уже были случаи применения такого ограничения, рассматривая конкретную ситуацию автора. В этой связи она напоминает, что Кассационный суд не рассматривает дело по существу и что в данном случае он счел, что апелляционный суд, рассматривая конкретные условия деятельности ассоциации ограниченного масштаба, мог прийти к выводу, что все работники способны иметь непосредственный контакт с детьми и их родителями, оправдывая тем самым ограничение свободы исповедовать свою религию. Однако, по мнению автора, апелляционный суд не принял во внимание ни размер ассоциации, ни количество ее работников, ни конкретные условия ее деятельности; его решение было основано на юридической квалификации предприятия убеждений, которая, согласно практике Европейского суда по правам человека, обосновывает принцип нейтральности, применимый ко всем работникам ассоциации. Впрочем, апелляционный суд, вопреки очевидности, постарался ограничить охват этого положения и счел его формулировку вполне точной, для того чтобы толковать ее как имеющую охват, ограниченный только функциями по уходу за детьми и их сопровождению в служебных помещениях и за их пределами. При этом персональная ситуация с занятостью автора не рассматривалась.

5.4 Автор также выражает несогласие с утверждением государства-участника о существовании постоянной судебной практики, позволяющей ссылаться на подобное

¹¹ Закон № 2016-1088 от 8 августа 2016 года.

ограничение права исповедовать свою религию. Автор считает, что упомянутые государством-участником постановления касаются прецедентов, которые существенно отличаются от ее случая и связаны в основном с индивидуальными ограничениями, оправданными характером поставленной задачи или искомой цели, а не общими ограничениями, аналогичными тому, которое было наложено на автора. Кроме того, постановления Кассационного суда, приводимые государством-участником, касаются свободы одеваться по своему усмотрению, которая, в отличие от свободы исповедовать свою религию, не относится к категории основных свобод. Автор далее отмечает, что, хотя два из упомянутых государством-участником постановлений¹² связаны с тем или иным религиозным символом, они остаются изолированными, активно критиковались доктриной и не получили закрепления в Кассационном суде. Автор напоминает, что Кассационный суд постановил обратиться к Суду Европейского союза¹³ с вопросом о том, можно ли запрет ношения религиозных символов обосновать в интересах предприятия пожеланиями клиентов, показывая тем самым, что судебная практика по этому вопросу еще не сформирована.

5.5 В отношении законной цели наложенного ограничения автор считает, что настоятельная необходимость постоянной и всеобщей нейтральности во имя сохранения свободы совести детей и воспитательного выбора их родителей не актуальна для данного случая, поскольку дети в возрасте трех лет и младше, которые посещают ясли, проживают в условиях этнического и культурного разнообразия; следовательно, они привыкли видеть своих родителей и близких в одежде, указывающей на этническое происхождение каждого из них. Для многих из них в эту форму одежды входит ношение платка, будь то исламского или иного, причем такое различие для детей указанного возраста не существует. Автор далее отмечает, что самые старшие из детей посещают ясли на разовой или нерегулярной основе и что родители никогда не указывали и не демонстрировали, что они вступили в эту ассоциацию по причине обязательной нейтральности ее работников, поскольку этот принцип фигурирует во внутреннем регламенте яслей, но не в уставе самой ассоциации. Автор считает возмутительной позицию, вытекающую из замечаний государства-участника, согласно которой женщина в хиджабе вообще не должна приближаться к детям.

5.6 По вопросу о соразмерности ограничения искомой цели автор отмечает, что, по мнению государства-участника, это ограничение носит пропорциональный характер исходя из функций, которые возлагались на автора. Однако она напоминает, что в решениях французских судов, которые не рассматривали ее функции и личные обстоятельства, подобные утверждения не фигурируют. Автора уволили без принятия работодателем каких-либо смягчающих мер, притом что ее платок ни у кого не вызывал проблем.

5.7 Относительно аргумента государства-участника о том, что автор якобы сама выбрала для себя род занятий в этой ассоциации и была знакома с положениями внутреннего регламента, автор отмечает, что государство-участник опирается на постановление Европейского суда по правам человека, не имеющее отношения к данному случаю: упомянутое постановление Суда касается протестантских яслей, которое, следовательно, является предприятием убеждений, тогда как ясли, где работала автор, не относятся к этой категории. Автор прилагает доклад о воздействии исламофобии на женщин во Франции¹⁴.

Дополнительные замечания государства-участника

6.1 Вербальной нотой от 1 декабря 2016 года государство-участник представило дополнительные замечания.

¹² Апелляционный суд Парижа, 16 марта 2001 года, № 99-31302; апелляционный суд Сен-Дени-де-ля-Реюньон, 9 сентября 1997 года, № 1997-930234.

¹³ Постановление Кассационного суда от 9 апреля 2015 года, жалоба № 13-19855.

¹⁴ Доклад Коллектива для борьбы с исламофобией во Франции за 2014–2015 годы: «Быть сегодня мусульманкой во Франции: женщины – первые жертвы исламофобии».

6.2 Государство-участник оспаривает приведенное автором толкование реформы Трудового кодекса в результате принятия Закона от 8 августа 2016 года. Оно вновь заявляет, что внесенная в кодекс поправка вписывается в свод принципов, закрепленных статьями L. 1121-1 и 1321-3 Трудового кодекса, которые являлись применимыми на момент спорных событий и уже тогда позволяли в некоторых случаях ограничивать осуществление свобод, в частности свободы религии. Так, ограничение, предусмотренное в упомянутом положении внутреннего регламента ассоциации, опиралось на правовую базу в рамках той юридической системы, которая действовала до принятия Закона от 8 августа 2016 года, лишь уточнившего обстоятельства, при которых во внутренних регламентах могут содержаться положения такого рода.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем рассматривать какое-либо утверждение, изложенное в том или ином сообщении, Комитет в соответствии с правилом 93 правил процедуры должен определить, является ли данное сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу.

7.2 Согласно пункту 2 а) статьи 5 Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

7.3 Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривало приемлемость сообщения. Он также отмечает, что автор подала кассационную жалобу, которая была отклонена, и что, по утверждению автора, она таким образом исчерпала все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. Следовательно, Комитет считает, что положения пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола не препятствуют рассмотрению настоящего сообщения.

7.4 С другой стороны, Комитет полагает, что для целей приемлемости автор в достаточной степени обосновала свои утверждения. Поэтому он объявляет сообщение приемлемым в части, касающейся вопросов, которые имеют отношение к статьям 18 и 26 Пакта, и переходит к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

8.1 Комитет рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола.

8.2 Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что ее увольнение за серьезный проступок, заключавшийся в ее отказе от ношения исламского платка в время работы в яслях, явилось нарушением ее права свободно исповедовать свою религию в соответствии со статьей 18 Пакта, так как подобное ограничение не предусмотрено законом, в нем нет необходимости для демократического общества и оно не является соразмерным. Он принимает к сведению мнение государства-участника о том, что ограничение свободы автора исповедовать свою религию предусмотрено законом и соразмерно законной цели, которая заключается в защите основных прав и свобод других лиц, а именно свободы совести и религии в отношении детей, посещающих ясли, и их родителей.

8.3 Комитет напоминает, что, как указано в пункте 4 его замечания общего порядка № 22 (1993) о праве на свободу мысли, совести и религии, касающегося статьи 18 Пакта, свобода исповедовать свою религию включает в себя ношение отличительных одежд или головных уборов. Комитет также отмечает, что ношение платка, полностью или частично скрывающего волосы, является обычной практикой для большого числа мусульманских женщин, которые считают его неотъемлемой частью проявления своих религиозных убеждений. Комитет отмечает, что автор относится к их числу, и поэтому считает, что решение запретить ей носить платок на

рабочем месте представляет собой вмешательство в осуществление ею права свободно исповедовать свою религию.

8.4 Таким образом, Комитет должен определить, соответствует ли ограничение свободы автора исповедовать свою религию или убеждения (пункт 1 статьи 18 Пакта) принципам, провозглашенным в пункте 3 статьи 18 Пакта, т. е. установлено ли оно законом и является ли оно необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц. Комитет напоминает, что, как указано в пункте 8 его замечания общего порядка № 22, «положения пункта 3 статьи 18 должны толковаться строго: не признаются никакие основания для установления ограничений, кроме тех, которые конкретно предусмотрены, даже если такие ограничения разрешаются в отношении других прав, защищаемых Пактом, в частности по соображениям государственной безопасности. Ограничения могут устанавливаться лишь для тех целей, для которых они предназначены, и должны быть прямо связаны с конкретной целью, достижение которой ими преследуется, и быть ей соразмерны. Ограничения не могут устанавливаться в дискриминационных целях или применяться дискриминационным образом».

8.5 В данном случае Комитет отмечает, что, по мнению автора, наложенное на нее ограничение не предусмотрено законом, поскольку применимый Трудовой кодекс не допускал включения во внутренние регламенты ограничительных положений, подобных тому, которое было к ней применено. Комитет отмечает также аргумент государства-участника о том, что статьи L. 1121-1 и 1321-3 Трудового кодекса предусматривали возможность включения ограничительных положений при наличии определенных условий, которые оно считает в данном случае выполненными. Комитет принимает также к сведению тот факт, что ни один элемент этого дела не свидетельствует и не позволяет сделать вывод о том, что принятие упомянутого внутреннего регламента не соответствовало действующему законодательству. Поэтому нельзя прийти к заключению, что примененное к автору ограничение не было предусмотрено законом.

8.6 Таким образом, перед Комитетом стоит вопрос о том, чтобы определить, может ли примененное к автору ограничение считаться «необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц» по смыслу пункта 3 статьи 18 Пакта. В этой связи Комитет напоминает, что, согласно пункту 8 его замечания общего порядка № 22, ограничения «должны быть прямо связаны с конкретной целью, достижение которой ими преследуется, и быть ей соразмерны». Он также ссылается на критерии, установленные Специальным докладчиком по вопросу о свободе религии или убеждений, для того чтобы определять, соблюдается ли принцип соразмерности в случае, когда выявлено какое-либо ограничение (см. E/CN.4/2006/5, пункт 58).

8.7 Учитывая вышеизложенное, Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что примененное к автору ограничение имело законную цель – охрану прав и свобод детей и их родителей. Комитет воспринимает этот аргумент как ссылку на охрану основных прав и свобод других лиц, предусмотренную в пункте 3 статьи 18 Пакта. Он также отмечает, что, ссылаясь на практику Европейского суда по правам человека, государство-участник утверждает, что исламский платок является не «пассивным символом», а «активным внешним символом» и что ясли – это место для обеспечения приема и социальной стабильности детей младшего возраста, которые особенно подвержены воздействию и восприятию окружающей их обстановки и которым не следует сталкиваться с «явной демонстрацией религиозной принадлежности». Комитет отмечает также, что, по мнению автора, ущерб основным правам и свободам других лиц может нанести только акт давления или прозелитизма, а ношение хиджаба не является таким актом и никак не препятствует родителям свободно направлять своих детей в осуществлении их свободы совести и религии. Комитет также отмечает аргумент автора о том, что для охраны свободы совести детей и воспитательного выбора их родителей не было необходимости во всеобщем и постоянном нейтралитете работников яслей, поскольку родители никогда не указывали и не давали понять, что они вступили в эту ассоциацию

из-за нейтралитета, предписанного ее работникам, тем более что принцип нейтральности работников предусматривался внутренним регламентом яслей, но не фигурировал в уставе ассоциации. Наконец, Комитет отмечает мнение автора о том, что в замечаниях государства-участника, по-видимому, утверждается, что женщина в хиджабе вообще не должна приближаться к детям, и что она считает эту позицию возмутительной.

8.8 С другой стороны, Комитет отмечает, что государство-участник не поясняет, в какой мере ношение платка несовместимо с обеспечением социальной стабильности и приема детей в яслях. Он также отмечает, что в представленных аргументах государство-участник не поясняет, почему платок несовместим с целью ассоциации, осуществляющей управление яслями, которая заключается в развитии деятельности в интересах детей младшего возраста из малообеспеченных семей и одновременно в стремлении создать условия для социальной и профессиональной интеграции женщин, проживающих в этом районе, тем более что одной из задач этой ассоциации является обеспечение экономической, социальной и культурной интеграции женщин без различия их политических или конфессиональных убеждений. Интеграция автора, какими бы ни были ее конфессиональные убеждения, полностью соответствовала этой задаче. Наконец, Комитет считает, что государство-участник не привело достаточного обоснования, позволяющего сделать вывод, что ношение платка воспитателем яслей является посягательством на основные права и свободы детей и родителей, посещающих эти ясли.

8.9 По вопросу о соразмерности примененной меры Комитет принимает к сведению аргументы государства-участника о том, что государствам-участникам важно пользоваться определенной свободой в оценке того, когда и в какой степени то или иное вмешательство является необходимым, а также тот факт, что наложенное ограничение не действует за пределами сферы деятельности яслей и ограничивается выполнением функций, предполагающих контакт персонала с детьми. Однако Комитет также отмечает, что, по мнению автора, которая носила платок с 1994 года, в том числе на рабочем месте, наложенное на нее ограничение несоразмерно, поскольку оно – без какой-либо иной причины, кроме отказа снять платок, – привело к ее увольнению за «серьезный проступок», что является особо жесткой формулировкой, лишаящей ее права на получение любых компенсационных выплат в связи с увольнением. Он отмечает, что представленная государством-участником информация не позволяет прийти к выводу, что запрет носить платок в обстоятельствах данного случая может способствовать достижению целей, стоящих перед яслями, или что он не приведет к стигматизации одной из религиозных общин. Наконец, Комитет напоминает, что ношение платка само по себе не может рассматриваться как акт прозелитизма. Поэтому Комитет считает, что наложенное ограничение и его применение к автору не являются мерой, которая соразмерна искомой цели. Учитывая вышеуказанное, Комитет полагает, что наложенное на автора ограничение в виде требования не носить платок во время работы в яслях и ее увольнение за серьезный проступок, последовавшее после ее неподчинения, нельзя считать соответствующими принципам пункта 3 статьи 18 Пакта. Поэтому он приходит к выводу, что указанное ограничение, предусмотренное внутренним регламентом яслей, и его применение являются ограничением, которое наносит ущерб принадлежащей автору свободе религии в нарушение статьи 18 Пакта.

8.10 Комитет отмечает, что автор ссылается также на нарушение статьи 26 Пакта в части того, что ее увольнение было произведено на основании положения внутреннего регламента, которое оказывает особенно невыгодное и несоразмерное воздействие на мусульманских женщин, носящих платок, и поэтому является дискриминационным. Он также принимает к сведению аргументы государства-участника о том, что: действия, осуждаемые автором, были совершены частным лицом; единственный вопрос, следовательно, состоит в том, чтобы установить, выполнило ли государство-участник свою позитивную обязанность по защите права лиц на свободу исповедовать свою религию; и что упомянутое положение внутреннего регламента яслей не приводит к дискриминации, поскольку оно не направлено против какой-либо религии, каких-либо духовных убеждений или лиц какого-либо пола и не приводит к различию в обращении между теми работниками, которые желают проявлять свои религиозные

убеждения, и теми, которые не имеют такого желания. Наконец, Комитет отмечает, что, по мнению государства-участника, данное различие в обращении являлось объективным и не носило ни произвольного, ни необоснованного характера.

8.11 Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 18 (1989) о недискриминации, в пункте 7 которого дискриминация определяется как «различие, исключение, ограничение или предпочтение, которое основано на признаках расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства и которое имеет целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления всеми лицами, на равных началах» всех основных прав и свобод человека. Комитет напоминает, что запрещение дискриминации действует как в государственной, так и в частной сферах и что нарушение статьи 26 может быть обусловлено дискриминационным последствием применения какого-либо правила или меры, которые на первый взгляд являются нейтральными и не имеют своей целью дискриминацию¹⁵. Тем не менее любое различие, которое основано на признаках расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства, как это указано в Пакте, не является дискриминацией, если оно опирается на какой-либо разумный критерий и задачу, ориентированную на достижение законной цели согласно Пакту.

8.12 Комитет отмечает, что, по мнению государства-участника, ссылающегося на решение Европейского суда по правам человека, исламский хиджаб определяется как «активный внешний символ». При этом он отмечает, что государство-участник не пояснило критерий, на основе которого был сделан этот вывод. В данном случае Комитет отмечает, что, согласно решению апелляционного суда Парижа от 27 ноября 2013 года, положение внутреннего регламента яслей «предполагает, в частности, запрет на ношение любой заметной религиозной символики»¹⁶. Комитет принимает также к сведению аргумент автора о том, что примененное к ней положение внутреннего регламента имело косвенные дискриминационные последствия, и, как указано в публикации Министерства национального образования, упомянутой в представленном автором докладе Коллектива для борьбы с исламофобией во Франции, проведенное различие между «явными» или «заметными» и другими религиозными символами было признано непропорционально ущемляющим исламские хиджабы или платки¹⁷. Комитет напоминает, что в своих заключительных замечаниях по пятому периодическому докладу Франции были упомянуты ограничения свободы исповедовать свою религию или убеждения, которые в первую очередь ущемляют права лиц, принадлежащих к некоторым религиям, и девочек-подростков, а также была выражена обеспокоенность тем, что усугубляющее воздействие, оказываемое данными законами на состояние отчуждения и маргинализации среди определенных групп населения, может идти вразрез с поставленными целями¹⁸. Комитет приходит к выводу, что ограничение, предусмотренное внутренним регламентом, несоразмерно ущемляет мусульманских женщин, которые, подобно автору, хотят носить платок, что приводит к неравному обращению.

8.13 Таким образом, Комитет должен решить, направлено ли неравное обращение с автором на достижение законной цели, предусмотренной Пактом, и соответствует ли оно критериям разумности и объективности. Комитет отмечает аргумент государства-

¹⁵ *Альтхаммер и др. против Австрии* (CCPR/C/78/D/998/2001), пункт 10.2.

¹⁶ Апелляционный суд Парижа, постановление от 27 ноября 2013 года, стр. 3.

¹⁷ Доклад Коллектива для борьбы с исламофобией во Франции за 2014–2015 годы: «Быть сегодня мусульманкой во Франции: женщины – первые жертвы исламофобии»; Министерство национального образования, высшего образования и научных исследований: «Применение Закона от 15 марта 2004 года о ношении заметных религиозных символов в государственных образовательных учреждениях». Согласно этому докладу, было выявлено 639 единиц «заметной» религиозной символики, в том числе 626 исламских хиджабов, 11 сикхских тюрбанов и 2 крупных креста.

¹⁸ См. CCPR/C/FRA/CO/5, пункт 22.

участника о том, что наложенное на автора ограничение и ее увольнение опирались на положения внутреннего регламента яслей и Трудового кодекса, и о том, что данное положение внутреннего регламента яслей не создавало никакой дискриминации, поскольку не направлено против какой-либо религии, духовных убеждений или половой принадлежности, а имело целью защиту детей от воздействия любой другой религии, кроме их собственной. Государство-участник в общих чертах заявляет, что неравенство обращения было основано на объективном критерии, который не носит ни произвольного, ни неразумного характера, но при этом не поясняет в достаточной степени, каким образом ношение платка могло помешать автору успешно выполнять свои функции, и не рассматривает соразмерность этой меры. При этом Комитет отмечает, что автор была уволена без выплаты соответствующей компенсации, поскольку она носила платок; при этом ей не было дано достаточного обоснования относительно того, как ее платок препятствовал ей в успешном выполнении своей работы, и не было проведено оценки соразмерности примененной меры. Поэтому Комитет считает, что государство-участник не привело достаточных оснований в подтверждение того, что увольнение автора за ношение платка было направлено на достижение законной цели или было соразмерно этой цели. Таким образом, Комитет приходит к выводу, что увольнение автора на основании положений внутреннего регламента яслей, предусматривающего обязательную нейтральность персонала при выполнении своих задач, и положений Трудового кодекса не опиралось на какой-либо разумный и объективный критерий и, следовательно, представляет собой перекрестную дискриминацию по признакам пола и религии в нарушение статьи 26 Пакта.

9. Действуя в соответствии с положениями пункта 4 статьи 5 Факультативного протокола, Комитет считает, что имеющаяся в его распоряжении информация свидетельствует о нарушении государством-участником прав, предусмотренных статьями 18 и 26 Пакта.

10. В соответствии с пунктом 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективное средство правовой защиты. Для этого оно должно предоставлять полное возмещение лицам, чьи права, признаваемые в Пакте, были нарушены. В данном случае государство-участник, среди прочего, обязано: обеспечить автору адекватное возмещение ущерба и соответствующие меры сатисфакции, включая компенсацию за потерю работы без выплаты пособия и возмещение всех ее законных расходов, а также за любые нефинансовые потери, понесенные автором в связи с рассматриваемым делом. Государство-участник обязано также принять меры для недопущения совершения аналогичных нарушений в будущем.

11. Принимая во внимание, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета определять наличие или отсутствие нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем лицам, находящимся в пределах его территории или под его юрисдикцией, права, признаваемые в Пакте, и предоставлять им эффективные и имеющие исковую силу средства правовой защиты в случае установления факта нарушения, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 180 дней информацию о мерах, принятых во исполнение настоящих Соображений Комитета. Государству-участнику предлагается также опубликовать настоящие Соображения.